

УДК 159.922.1:37.018.1

ДИНАМИКА ОЦЕНКИ СВОЕЙ МАСКУЛИННОСТИ МУЖЧИНОЙ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ОТЦОВСТВА

Борисенко Ю.В.

*ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», Кемерово,
e-mail: laboratory_cno@mail.ru*

Проведено исследование взаимосвязи отцовства и маскулинности в перинатальный период жизни семьи. Приводятся данные лонгитюдного исследования динамики оценки мужчиной своих гендерных качеств, а также гендерных качеств супруги в течение трех триместров беременности, до родов и в период новорожденности ребенка.

Ключевые слова: отцовство, маскулинность, оценка маскулинности, перинатальный период

THE SELF-ESTEEM OF MAN MASCULINITY DYNAMICS IN THE PERINATAL PERIOD

Borisenko Y.V.

Kemerovo State University, Kemerovo, e-mail: laboratory_cno@mail.ru

We have done analysis of the dynamics of fathering and masculinity correlation in the perinatal period. Data are drawn from the longitude survey of spouse's gender characteristics self-esteem dynamics through the three pregnancy trimesters, birth and newborn period.

Keywords: fatherhood, masculinity, fathering

Существует несколько подходов к анализу взаимосвязи и взаимовлияние отцовства и маскулинности [3]. Наиболее часто разграничивается отцовство как родительский статус от отцовских практик. Кроме того, дифференцируется маскулинность как мужской гендерный статус и тип маскулинности конкретного мужчины [2]. Отцовский статус включает в себя воспитание биологических, приемных, усыновленных детей, наличие детей, их количество, детей жены или чужих детей (священник, тренер, учитель). Мужской гендерный статус связан с биологическими различиями полов, но определяется социально, как статус мужчины в конкретном обществе, его функции, привилегии, обязанности. Тип маскулинности конкретного мужчины определяется его собственными личностными и социальными характеристиками и является конкретным (приемлем или неприемлемым) вариантом внутри всей группы мужчин данного общества. Отцовские практики – термин новый в отечественной психологической науке, соответствует термину «fathering» в английском языке в противовес термину «fatherhood», что обозначает статус и социальные характеристики отцовства. Отцовские практики определяются как операциональный компонент отцовства, особенности взаимодействия отца с собственным ребенком. Причем с определенными ребенком, если их несколько, поскольку взаимоотношения с конкретным ребенком обусловлены полом, возрас-

том ребенка, особенностями его развития и здоровья, а также ситуацией его рождения и отношениями с его матерью.

Дж. Плек [10] предполагает, что связь маскулинности и отцовства можно оценить по 6 показателям: 1) гендерные различия в воспитании, 2) взаимосвязь между присутствием отца и развитием ребенка, 3) роль отцовской вовлеченности в жизнь ребенка в развитии личности ребенка, 4) влияния наличия детей на оценку своей маскулинности мужчиной, 5) уникальность вклада отца в развитие ребенка и 6) взаимосвязь между типом отцовской маскулинности, вовлеченностью отца и развитие личности ребенка. Эти шесть тем по-разному представлены в литературе и исследованиях. Больше всего исследований роли отца в развитии ребенка. Иногда исследователи, особенно американцы все проблемы подростков сводят к отсутствию отца в семье.

Таким образом, мужской гендерный статус обуславливает отцовские практики прямо и опосредованно через формирование понятия отцовство и возможный отцовский статус в обществе. Так, доминирование мужской гегемонности в обществе определяет социальный и сексуальный статус мужчины более свободно по отношению к любым женщинам и их детям, не являющихся прямыми наследниками данного мужчины. Он может по типу альфа-самца в животном мире не заботиться о них, не интересоваться вероятностью их появления в результате многочисленных связей.

С другой стороны количество детей может добавлять статуса мужчине, следовательно, в таком обществе мужчины признают и заботятся о всех своих детях. Таким образом, в таких культурах отцовство имеет ограниченный статус: либо ребенок признается, либо нет. Чем более демократично общество, тем больше различных вариантов статуса и, соответственно, отцовских практик оно предлагает мужчине: в современном западном обществе мужчина может юридически признавать ребенка и участвовать в его воспитании экономически и психологически, может признавать и участвовать только психологически, или только экономически, или совсем не участвовать. Может быть признан отцом или отчимом приемного и не признан отцом своего ребенка и т.д. Отцовские практики двояко связаны с отцовством и типом маскулинности мужчины. Сам факт принятия статуса отца определяет какие-то отцовские практики, принятые в данной среде, однако и взаимодействие с ребенком может изменить отношение к отцовскому статусу, например, через усыновление ребенка жены.

Отцовство как статус связано с типом маскулинности конкретного мужчины. А тип маскулинности и мужской гендерный статус влияют на то, каким образом будут взаимосвязаны статус отца и отцовские практики в данной среде. Р. Коннел [5], выделяет несколько типов маскулинности: гегемонная, сообщническая, подчиненная, маргинализируемая. Однако, чаще всего выделяют два типа маскулинности – гегемонную (фаллоцентрическую) и логоцентрическую. Представители первого типа очень активны, агрессивны, физически сильны, часто асоциальны, гиперсексуальны и не заботятся о собственных детях. Второй тип имеет высокий интеллект и такие характеристики, как: настойчивость, заботливость, верность. Такие мужчины – хорошо выполняют отцовские функции. Таким образом, тип маскулинности мужчины определяет взаимодействие с ребенком и эмоциональную, операциональную и смысловую нагрузку этого общения. Но и само взаимодействие с ребенком, педагогическое совершенствование и реализация себя в нем тоже трансформируют представление о собственной маскулинности [2].

В реальности существует огромное многообразие вариантов проявления маскулинности, связанных с целой совокупностью личностных, поведенческих и социальных характеристик, которые включаются в гендерную идентичность мужчины. Таким образом, отцовство и отцовские практики, являющиеся производными гендерной

идентичности, взаимосвязаны с особенностями маскулинности мужчины. Эти особенности и, возможно, тип маскулинности мужчины определяют отношение к отцовству мужчины. Само отцовство обычно исследуется с двух позиций: С одной стороны, отцовство рассматривается как социальный институт, определяющий требования и ожидания общества по отношению к родительской роли мужчины. С другой стороны, отцовством проявляется в практической деятельности мужчины по воспитанию детей и уходу за ними, что описывается понятием, отцовские практики или стили воспитания [2]. Такая научная традиция объясняет характерное для отцовства различие между отцовством как родительским статусом и отцовством как родительским поведением и идентичностью. Большинство авторов считает, что именно рождение ребенка и взаимоотношения с ним дают мужчине шанс социализироваться самому, шанс саморазвития [10]. В древних культурах мужчина до рождения своего первого ребенка считался отроком [8]. Для мужчины – это проблема личностного развития, проблема принятия своих чувств и их самоконтроля. Подрастающий ребенок становится продолжением мужчины, удовлетворяет потребность в ученике, в собственной значимости. В целом, существует определенное количество качественных эмпирических исследований отцовства, в основном – узких направлений. В качестве теорий дающих материал для исследования факторов оптимизации развития личности ребенка, и мужчины, выросшего в условиях неполной семьи, выделяются: а) теория жизненного пути (которая исследует, как мужской опыт отцовства изменяется в связи с различными периодами жизни); б) социальная описательная теория (которая подчеркивает, что отцы усваивают культурные образцы и роли); и в) теория социальной идентичности (которая сосредотачивается на том, как мужчины воспринимают идентичность отца относительно их других социальных ролей). В терминах Э.Эриксона отцовство повышает генеративность взрослых мужчин. Другие ученые применяли понятия экономических теорий, для описания решения отца вносить свой вклад в жизнь ребенка или уйти из семьи [2].

Цель исследования

Большинство современных работ утверждает, что родительство не является просто личностным феноменом, оно во многом обусловлено супружескими отношениями [1, 4]. Эта идея не нова и для российских семейных психологов, однако

в основном она постулируется в работах, основанных на практике семейной психотерапии. Теоретическое обоснование данного постулата дается в терминах системной семейной терапии. В американской традиции исследования отцовства выделяются работы [6, 7], в которых акцент смещается на роль женщины-матери, как партнера мужчины-отца, во многом определяющего отцовское поведение последнего. W. Doherty, например, предлагает специально учить женщин «обучать» мужчин ответственному отцовству [6]. Дж. Плек доказывает, что вовлеченность отца в жизнь ребенка прямо взаимосвязана с вовлеченностью матери [9]. Дж. Плек высказывает на идею о том, что собственная родительская идентичность может быть определена только в тесной взаимосвязи с оценкой своего партнера как родителя и с представлением об оценке себя как родителя в глазах супруга. При этом предполагается, что это одинаково значимо, как для мужчин, так и для женщин. То есть отцовская идентичность тесно связана с оценкой своей жены как матери и с теми ожиданиями, которые она имеет по отношению к отцовскому поведению мужа. Эти идеи находятся в согласии с концепцией трансгенерационной передачи [4], где указывается, что климат в семье и отношение к детям передаются в семьях через поколения по женской линии. При этом, чем меньше отец принимает участия в жизни детей, тем большая ролевая нагрузка ложится на женщину, особенно, в финансовом плане. Материнская идентичность также связана и с ожиданиями мужчины относительно материнского поведения супруги: вопросов возможности выбора и приоритета карьеры жены или воспитания детей. Таким образом, то, каким мужчиной является отцом, тесно связано 1) с его прошлыми и настоящими взаимоотношениями с собственным отцом, который дает маскулинный образец (то есть, модель ролевого поведения мужчины [2] и 2) с настоящими взаимоотношениями с супругой, в отношениях с которой эта модель реализуется, оценивается и трансформируется. Однако исследований, направленных на изучение особенностей формирования отцовства мужчин, выросших в различных условиях выполнения отцовских функций, патернальной депривации, конфликта между родителями, перенесших развод родителей, недостаточно. Мы полагаем, что чрезмерная, жесткость, отсутствие или слабость мужской модели поведения у мужчины не ухудшает отношения с супругой и собственным ребенком, но осложняет процесс выстраи-

вания этих отношений. Кроме того, в зависимости от особенностей маскулинности мужчины выстраивают различные отношения с супругой и ребенком. Например, гипермаскулинные мужчины могут вообще не создавать семью, высокомаскулинные мужчины ориентированы на социальный успех и в большей степени способны реализовывать роль кормильца и персонификатора власти в семье, при этом, не уделяя времени на общение с ребенком. Мужчины, выросшие без отца, в большей степени ориентируются на собственную супругу, чем на модель поведения своего отца, что может создавать дополнительное напряжение и в детско-родительских и в супружеских отношениях в семье такого мужчины. Андрогинные мужчины в большей степени способны уделять внимание внутреннему, эмоциональному состоянию ребенка. Каждый вариант проявления уровня маскулинности определяет выбор феминной/маскулинной супруги, специфику супружеских отношений и, как следствие, создает специфические условия для взаимодействия с ребенком. Таким образом, большая вариативность типов маскулинности мужчин создает пространство для проявления различных способов взаимодействия с ребенком, которые расставляют смысловые акценты на различных аспектах отцовских ролей и практик. Каждая из этих практик с учетом взаимодействия с супругой может быть признана ценной для развития личности ребенка. Это дает возможность мужчине с любым вариантом выраженности маскулинности при желании найти приемлемый вариант отцовских практик, потому что, на наш взгляд, определенные характеристики типа маскулинности мужчины очень тесно взаимосвязаны с отцовскими практиками, что находит свое подтверждение даже в трансгенерационных исследованиях [4]. Согласно К.Н. Белогай. [1], в онтогенезе отцовства можно выделить три основных этапа: 1) стереотипное представление об отцовстве до беременности жены – теоретический этап; 2) изменение стереотипов в течение беременности партнерши; 3) собственно формирование чувства отцовства после рождения ребенка – практический этап. В период ожидания ребенка и сразу после его рождения происходит ломка стереотипных представлений об отцовстве. Именно этот период можно назвать критическим с точки зрения становления отцовства. В это время начинают формироваться отцовские практики, остальные компоненты отцовства также претерпевают изменения: меняется статус мужчины, соответственно, меняется оцен-

ка собственной маскулинности: таким образом, в нашем исследовании изучалась специфика переживания собственной маскулинности в перинатальный период.

Материалы и методы исследования

Для определения особенностей оценки собственной маскулинности мужчины в период беременности жены и младенчества первого ребенка, нами было разработано и проведено лонгитюдное эмпирическое исследование, в котором приняли участие 52 семейных пары на этапе планирования беременности, протекания беременности и родов и первого года жизни ребенка. Исследование проводилось на базе ЖК № 1 г. Кемерово. средний возраст мужчин 29 лет, женщин – 25. Пары опрашивались по нескольким методикам на протяжении года. Всего было сделано пять проб. Первый срез на этапе планирования беременности, второй – в первом триместре беременности, третий – во втором триместре беременности, четвертый – перед родами, пятый – в месяц ребенка. В качестве контрольной группы выступили 46 семейных пар без детей.

В исследовании применялись следующие методики опросник опросник С. Бэм по изучению маскулинности-феминности, Тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, методика Личностный Дифференциал (ЛД), а также некоторые вопросы анкеты, имеющие интервальную шкалу измерения. Отдельно изучались данные, полученные в экспериментальных и контрольных группах мужчин и женщин. Исследование проводилось с молодыми парами, ожидающими первого ребенка.

Результаты исследования и их обсуждение

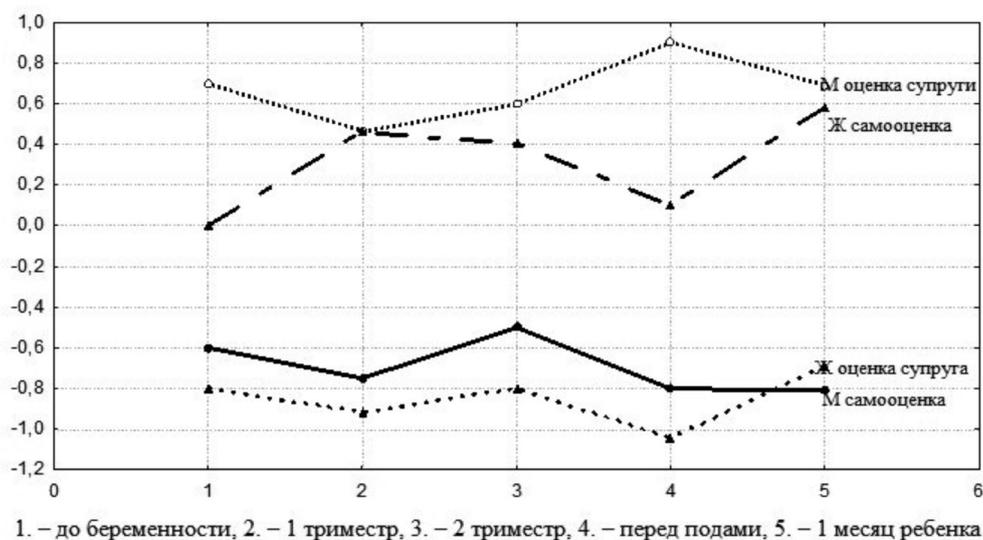
Исследование уровневых характеристик выборки, состоявшей из 288 человек, показывает, что наибольший разброс наблюдается в данных анкеты, причем как для всей выборки, так и для обеих групп, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов. Данные, полученные с помощью методики СЖО, являются более однородными внутри выборки родителей, что свидетельствует о наличии определенной модели поведения. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных по шкалам находятся в рамках статисти-

ческих норм данных методик, данные по опроснику СЖО являются высокой нормой, данные по методике ЛД соответствуют средним значениям норм. Проверка по критерию Фишера (при $\alpha = 0,05$) показала, что на начальном этапе дисперсии экспериментальной и контрольной групп различаются незначимо. Проверка по t-критерию Стьюдента не выявила значимых различий между экспериментальной и контрольной группами во время первого среза, а также попарно между всеми срезами контрольной группы. Однако существуют значимые различия между показателями разных срезов в экспериментальной группе, представленные в таблице.

По опроснику ЛД у мужчин значимые различия найдены по параметру «Активность». Мужчины ниже оценивают свою активность во время первого и второго триместра беременности жены, активность повышается ближе к родам, и слегка снижается через месяц. Это обусловлено множественностью и новизной функций отца, связанных с подготовкой и принятием ребенка из роддома. По методике СЖО значимые различия были найдены по следующим шкалам: Цели в жизни, Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни и Результативность жизни. Все три параметра снижаются в первом и втором триместре беременности и затем устойчиво повышаются, особенно после родов, что соотносится с данными о том, что именно момент появления «видимых признаков беременности» – появление живота, и шевеления ребенка является сензитивным для осознания будущего отцовства. Это подтверждают данные по шкале общая осмысленность жизни. Интересные данные были получены при оценке собственной маскулинности мужчинами и женщинами. Супружеским парам была дана инструкция оценить себя и своего супруга по параметрам маскулинности/феминности (МиФ С. Бэм). В результате была получена следующая динамика оценок (рисунок).

Динамика различных параметров у мужчин в перинатальный период

Параметр/Период	до беременности	1 триместр	2 триместр	перед родами	1 месяц ребенка
Самооценка активности мужчины	- 1	- 5	- 5	3	2
Цель (СЖО)	34	32	31	30	34
Процесс (СЖО)	32	25	26	28	29
Результат (СЖО)	28	21	21	25	25
Осмысленность жизни (СЖО)	80	83	84	91	95

Динамика оценки маскулинности/фемининности супругами экспериментальной группы

Как видно из графика, в целом в исследуемый период жизни мужчины в среднем оценивают себя как маскулинных, а своих супругов как фемининных. Женщины себя оценивают, как андрогинных в период, предшествующий беременности, в остальное время они оценивают себя, как фемининных. Это связано с изменениями социального статуса, социальных оценок, планов на жизнь, и даже гормонального баланса организма. Мужчины оценивают свою жену в перинатальный период, как более женственную, чем она сама оценивает себя. При этом женщины оценивают мужчин, как более маскулинных, по сравнению с собственной оценкой мужчины.

Выводы

Такие результаты могут быть связаны с особенностями перинатального периода в жизни этих пар, спецификой стадии жизненного цикла семьи. Данные, полученные до беременности, не противоречат остальным показателям, но здесь надо учитывать, что беременность уже планировалась. В динамике это выглядит следующим образом:

1. Феминные качества и поведение женщины по оценке мужчин несколько понижаются в первом триместре, а затем возрастают до родов, особенно перед родами, и снова несколько снижаются после рождения ребенка. Это может быть связано с изменением поведения женщины-матери в первые дни после выписки из роддома, принятием новой роли, новой ответственности, большей доминантностью, большим контролем за происходящим в семье. При

этом уровень оценки фемининности после родов возвращается к тому, что был до беременности.

2. Женщины до беременности в среднем оценивают себя, как андрогинных. Затем они начинают оценивать себя, как более фемининных на протяжении первого и второго триместров, особенно заметен рост фемининности в первом триместре беременности – в период осознания, принятия факта беременности. В третьем триместре оценка своей фемининности резко снижается – возможно, в связи с переживаниями и страхами предстоящих родов и своей внешней «непривлекательности». После родов в период взаимодействия с младенцем оценка своей фемининности резко повышается. Это обусловлено и социальными и психологическими факторами, а также физическими (гормональная перестройка организма).

3. Маскулинные качества мужчины по его оценке повышаются в период осознания факта беременности. Надо, однако, учитывать, что во всех случаях беременность была планируема. Затем остается на примерно том же уровне и повышается после рождения ребенка.

4. Женщины в оценке мужских качеств мужей на протяжении всей беременности согласны с динамикой их самооценки, но всегда оценивают их несколько более мужественными, чем мужчины оценивают сами себя. Однако после родов ситуация противоположная. Оценка маскулинности супруга женщиной резко падает. Возможно, это связано с пережитым опытом родов и новым статусом женщины.

Таким образом, в перинатальный период, когда наиболее выражены гендерные и половые различия, оценка собственных гендерных качеств во многом связана и с социальными оценками, и собственными личностными переживаниями этого периода, как у мужчин, так и у женщин. Несомненно, переживание беременности супруги и первого опыта общения с ребенком, изменения статуса и трудности выстраивания отношений с новорожденным и его матерью оказывают влияние на оценку собственной маскулинности мужчиной, что ведет к появлению новых форм и моделей поведения, что может быть активно использовано в практике психологического консультирования семей в перинатальный период и являться предметом дальнейших исследований.

Список литературы

1. Белогай К.Н., Борисенко Ю.В. Специфика формирования отцовства как психологического феномена // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 26. – С. 102–108.
2. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009. – 496 с.
3. Чикалова Е.А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 2. – С. 43–53.
4. Bouchard G. Intergenerational Transmission and Transition to Fatherhood: A Mediated-Moderation Model of Paternal Engagement // Journal of Family, 2012. – Vol. 26. – № 5. – P. 747–755.
5. Connell R., Messerschmidt J.W. Hegemonic masculinity: rethinking the concept. // Gender and Society. – 2005. – Vol. 19. – № 6. – P. 829–859.
6. Doherty W.J., Boss P.G., LaRossa R., Schumm W.R., Steinmetz S.K. Family theories and methods: A contextual approach. // P.G. Boss, W.J. Doherty, R. LaRossa, W.R. Schumm, S.K. Steinmetz Family theories and methods: A contextual approach. – New York: Plenum Press, 1993.
7. Eggebeen D.J., Knoester C. Does fatherhood matter for men? // Journal of Marriage and Family, 2001. – № 63. – P. 381–393.
8. Fthenakis W.E. Väter, Band I, Zur Psychologie der Vater-Kind-Beziehung. – München: Urban & Schwarzenberg, 1985.
9. Pleck J.H., Hofferth S. Mother involvement as an influence on father involvement with early adolescents. // Fathering, 2008. – № 6. – P. 267–286.
10. Pleck J.H. Paternal involvement: revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes and paternal involvement: levels, sources, and consequences. // Lamb M. E. The role of the father in child development (5th ed.). New York: Wiley, 2010. – P. 58–93.